

«Хорошо, что я не вижу, что вы там нарисовали»

Жил на свете прекраснейший человек — Рина Васильевна Зеленая. Мне выпало счастье дружить с ней, слышать ее неповторимый голос. Да что голос! А ее знаменитое построение фраз, острота ума, мудрость лукавого и мудрого взгляда — нет, невозможно реанимировать ушедшее...

Познакомился я с этой очаровательной женщиной в Доме ветеранов кино, где работал над книгой. Так получилось, что места наши в обеденном зале оказались рядом, вернее...

— Вы мне спину продавили, молодой человек, и ваша увлеченность окрошкой не дает вам право так давить на окружающих.

Это были первые слова в моей жизни, которые я услышал от реальной, всамделишной Рины Зеленой! Слово за слово, и мы познакомились. Я ей принес кофе, она обронила, что сделал я это умышленно поздно, специально дождавшись того, чтобы на дне бака осталась густота, которую и символически "не обзовешь кофием". На следующей трапезе стакан кофе я уже принес раньше всех и еще больше вызвал ее недовольство "однопенным образованием". До чего же это были мучительно-сладкие подтрунивания. Каждая встреча, каждый диалог с ней превращался буквально в фехтовальный турнир, после которого, случалось, долго щемило самолюбие.

Пользуясь тем, что Рина Васильевна не очень хорошо видела, я порывался записывать ее речь и делать хотя бы беглые зарисовки. Не тут-то было! Любое мое поползновение к карандашу и бумаге пресекалось немедленно и в самой категорической форме.

— Если вы хотите, чтобы наши отношения с вами продолжались бесконечно, то забудь-

те об изобретении китайцев.

— Рина Васильевна, дорога, но я взял бумагу и карандаш в руки, чтобы не потерять неожиданно пришедшую мысль для своей книги, — лукавлю я. — Позже я ее перенесу в свою рукопись.

— Как вы сказали? "Пожэ"? Да вы к тому же и глубоко безграмотный человек. Господи, с кем я связала свой послеобеденный прогулочный шаг?

— Нет, я сказал "позже". У меня плохо со слухом, но я безупречно слышу неправильное произнесенное слово.

— Нет, господин Пожэ, вы сказали "пожэ!", — Рина Васильевна, я сказал "позже", — со вздохом отбиваюсь я.

— Ну вот, ко всему еще и очаровательная вздыхательная ложь. Вы — соцветие пороков, Леонид Васильевич.

— Между прочим, Рина Васильевна, — пытаюсь выровнять крепко накренившуюся лодку, — меня поразило, как легко, с первых же минут знакомства, вы запомнили мое отчество...

— Что это за тест по проверке моей памяти вы устраиваете? Словесный Сезанн, господин Пожэ, мистер Лгун, неудачный тестист — вот вы кто! А с памятью у меня все в порядке.

Однажды она недомогала, но решила от прогулки не отказываться. Попросила помочь натянуть ей ботики на ноги. Я очень старался. Обувь оказалась капризной; с большим усилием я проделал незамыс-

ловатое дело, удивляясь тому, как эту операцию по несколько раз на день выполняет хрупкая пожилая женщина. Но когда Рина Васильевна поднялась с кресла и я набросил на нее демисезонное пальтишко, мы оба посмотрели на ее ноги, и... О, ужас, я перепутал левый ботинок с правым! Стою перед ней, боюсь поднять глаза, и не знаю, то ли посмеяться вместе над нелепостью ситуации, то ли извиниться за конфуз.

— Я обратила внимание, что в последние дни у меня что-то происходит с памятью, но не до такой же степени, чтобы забыть, с какой стороны какая нога растет...

Была она гостьей и нашего дома. Понимая, что нарисовать ее впрямую не удастся, я подготовил почти цирковой трюк. Усадив Рину Васильевну в машину, я предварительно на коробку передач положил небольшой блокнот и ручку. И в те мгновения, когда мы останавливались на красный свет, а Рина Васильевна не сводила глаз со светофора в ожидании зеленого, я успевал провести на бумаге несколько нервных линий. На пятой остановке, увы, был я разоблачен и предупрежден, что "машина лишится пассажира, если криминально-изобразительные выпады против последнего будут продолжены". И еще: "Я отказала в позировании и Игину, и группировке Кукрыникова, и НикЖукову, а вам и подавно откажу". Через некоторое время я положил перед ней свой набросок. Она взяла в руки листок, внимательно посмотрела и поставила автограф, добавив: "Хорошо, что я ничего не вижу".

А на прощание подарила нам звуковую игрушку — сме-

ющегося человека — и сама смеялась громче гомерического хохота. Вскоре Рины Зеленой не стало. И не поверите, механическая игрушка прореагировала на это: она перестала смеяться! Звуки, исходившие из ее недр, напоминали всхлипывание, а иногда и плач (все объяснимо — сели батарейки, но смысл искался совсем иной в изменении звука).

Ушла из жизни великая "женщина-Чаплин", как часто ее называли друзья, которые, кстати, не верили вначале слухам о ее кончине. Потому что она "проделала" это в самый веселый день года — 1 апреля! "Да это очередная шутка нашей Ринушки", — говорили они. Увы, она впервые в жизни оказалась серьезной.

Леонид КОЗЛОВ.